

Архивный след

МАТЕРИАЛЫ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПУБЛИКОВАТЬСЯ В ЭТОЙ РУБРИКЕ,
НЕ ИМЕЮТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ХАРАКТЕРА.

Каким было народное образование Всеволожского района до войны,

мы можем судить по документам архивного отдела районной администрации, где хранятся приказы отдела народного образования по личному составу, начиная с 1937 года. Книги приказов 1937-1941 годов заполнялись от руки, аккуратным разборчивым почерком, обычной перьевкой ручкой. Машинописных приказов практически не сохранилось, зато выписки из приказов отпечатаны на машинке. Вероятно, строгих требований к делопроизводству в то время не существовало, поэтому приказы издавались в произвольной форме.

6 августа 1938 года был издан приказ № 50, который утвердил перечень всех существующих школ с учетом накопившихся за несколько лет перемен. Однако этот список, судя по всему, оказался не очень точным.

Приказ № 50 свидетельствует, что больше всего в районе было начальных школ, а количество классных комплектов зависело от численности населения в том или ином населенном пункте. Вот список начальных школ (цифры указывают на количество комплектов):

Борисо-Гриевская, 4, Ириновская, 4, Маяк-Осиновецкая, 2, Озёрная, 2, Морьевская, 2, Вагановская, 4, Приютинская, 4, Бернгардовская, 4, Блуднинская, 6, Румболовская, 3, Лепсарская, 1, Пробинская, 1, Углово-Бабинская, 2, Куйворовская, 5, Березовская, 2, Виркинская, 2, Хязельская, 2, Селецкая, 2, Янинская, 2, Бол. Порогинская, 4, Малиновская, 1, Кудровская, 2, Манушкинская, 4, Разметелевская, 4, Дунайская, 4, Чернореченская, 4, Морозовская, 4 (всего 27 школ).

В этом списке присутствует Лепсарская школа, хотя по приказу № 27 от 20.05.1938 г. она слилась с Пробинской. В приказе № 50 имеется примечание: «Лепсарскую в составе 1-го и 2-го классов, 3-го и 4-го классов направить в Пробинскую школу».

Руководили начальными школами заведующие, а количество учителей было небольшим.

Сеть неполных средних школ была очень скромной (всего восемь):

Гладкинская 1-4 кл. (7), 5-7 (9), Щегловская 1-4 (6), 5-7 (5), Павловская 1-4 (10), 5-7 (8), Ново-Саратовская 1-4 (13), 5-7 (7), Ново-Пустошская 1-4 (6), 5-7 (5), Романовская 1-4 (4), 5-7 (3), Островская 1-4 (4), 5-6 (2), Морозовская 1-4 (16), 5 (4).

А средних школ было вообще только три:

Всеволожская 1-4 (16), 5-7 (12), 8-10 (4), Дубровская 1-4 (24), 5-7 (15), 8-10 (5), школа имени Скворцова (при заводе им. Морозова) 1-4 (8), 5-7 (13), 8-10 (4).

Из перечня понятно, что средние школы существовали только в населенных пунктах с большим количеством населения: в поселке Дубровка и поселке им. Морозова, где имелись производства, а также в районном центре — во Всеволожской.

Этот список, утвержденный приказом заведующего района, представляется не совсем точным. Видимо, исполнитель приказа забыл включить в него Всеволожскую и Дубровскую неполные средние школы, а также Ново-Сергиевскую начальную школу. Но эти школы продолжали работать еще и в январе 1941 года, о чем свидетельствует Книга приказов. Не встречается в документах 1941 года Морьевская НШ, зато появляется Кокоревская НШ.

Кроме трех названных типов школ в районе существовала и разветвленная сеть ликбезов: были средние школы для взрослых в Дубровке и пос. им. Морозова, школы по ликвидации неграмотности среди допризывников, обучавшихся с отрывом от производства, школы для неграмотных, курсы красногвардейцев. Примечательно, что иногда учителей общеобразовательных школ, нарушавших трудовую дисциплину или признанных профессионально непригодными, перемещали на работу именно в школы по ликвидации безграмотности.

В довоенный период во Всеволожском районе, где традиционно проживало большое количество финского населения, существовали финские школы, а в Ново-Саратовке была и немецкая школа. Так, в одном дворе с Павловской школой стояла Финская неполная средняя школа, приказом № 11 от 2.02.1938 г. они были объединены «для пользы дела», при этом объединенная школа сохранила имя академика Павлова. А русская Халтуринская слилась с немецкой Ново-Саратовской НШ (пр. 40 от 28.06.1938).

Проверки школ инспекторами рено производились достаточно регулярно, об этом свидетельствуют приказы, чаще разгромного характера. Поощрения на их фоне выглядят почти как исклю-

чения из общего правила. Это можно объяснить тем, что в малокомплектных сельских начальных школах контроль руководства за деятельность педагогов был достаточно слабый, на курсы повышения квалификации учителей отправляли редко. Да и сами заведующие, назначенные, видимо, из числа учителей этих школ, не всегда соответствовали требованиям, предъявляемым к руководителям образовательных учреждений.

Допуская, что «разгромные» приказы могут создать достаточно одностороннюю, а потому не вполне объективную картину о народном образовании района довоенной поры, мы, тем не менее, сочли возможным процитировать самые примечательные из них. Это ни в коем случае не принижает тех успехов, которые были достигнуты лучшими школами в обучении детей, как не принижает педагогического и человеческого достоинства района педагогического сообщества в целом.

Многочисленные факты нарушения трудовой дисциплины и некачественного преподавания, вскрывшиеся при инспекторских проверках, послужили основанием для появления большого дисциплинарного приказа № 9 от 23 января 1939 года, в котором заверно Н. Карасик предупреждает «всех директоров и зав. школами о необходимости серьезного подхода к поднятию дисциплины среди педагогического коллектива», а «лица, повторяющие дезорганизаторам данного процесса, будут нести ответственность на основании постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г.». Чтобы дисциплинировать педагогов, «директорам и заведующим срочно завести книгу учета явки учителей на работу, учителей, не подготовленных к уроку, к занятиям не допускать».

Весьма обстоятельные приказы, изданные в 1939 году заверно Н. Карасик, дают представление о характере нарушений, допускавшихся учителями.

В частности, в приказе № 14 от 1939 года речь идет об учительнице начальных классов Ново-Пустошской НШ, «которая с целью установления дисциплины в классе использовала меры физического воздействия на учащихся. Учащийся 2-го класса был притянут кушаком за шею к гвоздю и в таком положении оставлен до окончания урока. На другой день в школу не явился по болезни горла». Не справляясь с дисциплиной в классе, эта учительница наносила учащимся удары по рукам линейкой, связывала кисти рук веревкой и заставляла в таком положении сидеть. А за подсказки мазала языки чернилами.

Мать несчастного второклассника, кстати, учительница этой же школы, из жалости к коллеге не стала поднимать шум, а вот его отец молчать не стал и написал заявление в горяно. Что, собственно, и повлекло за собой проверку. Учительница при беседе с инспектором рено признала себя виновной, но отрицала нанесение ударов линейкой. Хотя и не отрицала, что «линейку пускала в

ход для наведения порядка и тишины в классе».

Репрессивные действия учительницы в отношении детей не могли остаться безнаказанными: из школы ее уволили, а материалы проверки были переданы в суд. Мать мальчика за молчание «из жалости» тоже поплатилась, но, к счастью, только выговором.

Проверка Дунайской школы (приказ № 26 от 21.04.1939 г.) показала, что «завешкой не спровоцирована с работой»: учителя допускали перебранку на уроках, оскорбляя друг друга в присутствии школьников. Можно легко представить, какая дисциплина царила в этой школе.

А вот эти факты, изложенные в приказе, сегодня выглядят достаточно невинными. Одна учительница «вызвала большое неудовольствие учащихся сбором денег на чернильницы и табели успеваемости», которых, видимо, просто не хватало в школе. Кроме того, она привлекала учеников к работе с классным журналом «с целью списывания оценок с тетрадей в классный журнал». Учительницу, которая, по причине нездоровья, постоянно кричала на учеников, обзываая их «большими дураками», освободили от должности, предложили профсоюзу рассмотреть вопрос о ее лечении и перевели «в сеть школ обучения взрослых». Видимо, кадров в народном образовании и тогда не хватало, по крайней мере, ими не разбросывались.

Дисциплинарные меры в отношении учителей-прогульщиков, с нарастанием предвоенной напряженности в стране, становились всё жестче. К примеру, двух учителей начальной школы, которые в летнее время не ходили на работу, отдали под суд (пр. № 154 и 156 от августа 1940 г.). Теперь трудно выяснить, почему на период с 23 июня по 21 августа им не были оформлены законные трудовые отпуска.

Заявление на директора Морозовской НШ, два дня не появлявшегося по причине пьянки в школе, заверно, ссылаясь на нарушение указа Верховного Совета от 26/VI-40, передает в народный суд. Еще более жесткими были меры в отношении учителя, который в 1940 году только за один день прогулку был отдан под суд.

Инспекторы рено нередко сообщали в докладных записках о безграмотности отдельных учителей. В Ириновской НШ одна учительница не только постоянно пропускала ошибки при проверке учебнических тетрадей, но и сама их допускала. К примеру, в слове «шестнадцать» после букв «С» поставила мягкий знак, в при устном разборе предложений исправила ученика: «Начался покос» — глагол «начался» настоящего времени».

К сожалению, случайных учителей, без надлежащего образования, в школах хватало. Учительница Морозовской школы, видимо, повергла инспектора в состояние шока, когда не смогла показать ему на карте «Закавказскую, Грузинскую и Армянскую республики». Оказалось также, что она «не знает

Сванетии, путает и неправильно называет города, на уроке истории рассказывает о том, что Ленин создал план строить социализм, для чего разрешил частную торговлю, которая называлась НЭП, путает и забывает излагаемый ею материал урока».

Как показывает анализ приказов периода 1938 — 1941 годов, в районе ощущалась нехватка учителей с высшим образованием, поэтому даже руководителями школ нередко назначали студентов-заочников. В приказе № 157 от 22 марта 1941 читаем: «Утвердить врио директоров неполных средних школ Всеволожского района следующих лиц: Фукс П.Б. (образование — заочник 3 курса пединститута им. Покровского, педстаж — работает второй год; Пережогина К.П. (образование — 1 курс пединститута, педстаж 4 года) — врио директора Морозовской неполной средней школы № 2».

В 1941 году заведующим района работал Я. Иванов. Накаленная предвоенная обстановка в стране требовала жесткой дисциплины во всех сферах жизни, поэтому на должность руководителя был поставлен человек, способный навести порядок в подведомственной ему структуре. В апреле он самолично выезжал с инспектированием во многие школы и констатировал неудовлетворительное состояние дел в народном образовании района.

6 февраля 1941 года в приказе № 15 Я. Иванов пишет: «Лично ознакомившись с работой педагогического коллектива и взаимоотношениями учителей Ново-Саратовской НШ, устанавливаю, что школа по учебно-воспитательной работе остается одной из отстающих школ района».

Не лучше, по-видимому, обстояли дела и в Ново-Пустошской школе, если приказ № 36 от 8 апреля гласит: «Подготовка учителей к урокам низкой, дисциплина в школе неудовлетворительная, имеет место массовое опоздание в 3-4 классах».

Разгромный приказ № 42 выходит и по Манушкинской НШ: «Школа до настоящего времени работает крайне плохо, качество учебной работы низкое. О хозяйственных нуждах школы завшкой не заботится... В результате полной бездеятельности заведующей школа не имеет необходимой мебели, учебных пособий и хозяйственного инвентаря. Бак для питьевой воды из-за отсутствия стола стоит на полу и кружка для питья рядом. В классах сломанные учительские столы, стулья нет, вешалки для учащихся тоже нет, парты требуют ремонта, чернильницы в классах нет, и ученики бегают в поисках их из класса в класс. Школа не имеет библиотеки для внеклассного чтения. Дисциплина среди учеников очень плохая. Домашние задания большинством не выполняются и знаний ученики не имеют... Воспитательной работы не проводится».

Похоже, лидером по неуспеваемости стала Островская НШ — в 3 четверти она была на последнем месте в районе, неудовлетворительные оценки имели 47 человек.

Дубровская НШ и Морозовская НШ, как свидетельствуют апрельские приказы, закончили четверть с крайне неудовлетворительной успеваемостью. Основные выводы, которые можно сделать на основании анализа приказов Иванова, таковы: учителя плохо готовились к урокам, не занимались самообразованием, даже не читали методических журналов. На уроках преобладали пассивные формы работы, учителя недооценивали самостоятельную работу учащихся. В результате учителя давали «неинтересные, скучные и даже с политическими ошибками уроки» (приказ № 45). Более того, руководители школ «примирились с тем фактом, что многие учителя, не имеющие соответствующей подготовки, не работают над повышением своей квалификации и по существу калечат детей» (!).

В приказах, подписанных Я. Ивановым, часто звучат слова: «обязать», «потребовать», «осудить»! Положение дел в школах района вызвало у него серьезную тревогу. 5 мая 1941 года Иванов издает приказ № 60, где снова подчеркивает низкий уровень учебно-воспитательной работы в школах: учащиеся старших классов отказываются на уроках отвечать учителям, подготовка к испытаниям (экзаменам) не ведется. «Планы работы классных руководителей бесцельны, беззубы и апатичны... ни вопросы социалистического отношения к труду, ни вопросы коллектива и дружбы, любви к родине, ни вопросы формирования сильной, волевой, культурной личности — ничего такого, что бы говорило, что школа, учителя поняли свою почетную обязанность — воспитание подрастающего поколения в коммунистическом духе».

Но Я. Иванов так и не успел навести порядок в школах района, потому что 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и в этот же день он издает приказ № 65: «В связи с моим уходом в ряды РККА по мобилизации исполняющим должность зав. отделом народного образования оставляю школьного инспектора тов. Гордиенко». Один за другим уходят на фронт учителя... Уже в трагическом приказе № 67 от 25 июня таких 12 человек: «в связи с мобилизацией в ряды РККА считатьуволенными учителей поименованных ниже и произвести с ними полный расчет...»

(Продолжение следует)

Арина КОВАЛЁВА

НА СНИМКЕ: ученики Морозовской школы.

Фото из личного архива семьи Антоновых